Е. О. Арбатская [a]
ORCID: 0000-0002-7599-6688
✉ *e.arbatskaya@utmn.ru*
А. В. Григоровская [ab]
ORCID: 0000-0002-9282-313X
✉ *a.v.grigorovskaya@utmn.ru*
[a] *Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень)*
[b] *Казанский федеральный университет (Россия, Казань)*

Этика самореализации vs. этика заботы: может ли Айн Рэнд быть иконой феминизма?

Рецензия на: *Downing L.* Selfish women. — London; New York: Routledge, 2019. — 156 p.

Для цитирования: *Арбатская Е. О., Григоровская А. В.* Этика самореализации vs. этика заботы: может ли Айн Рэнд быть иконой феминизма? // Шаги / Steps. Т. 7. № 2. 2021. С. 325–333. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-325-333.

Рецензия поступила в редакцию 11 января 2021 г.
Принято к печати 14 января 2021 г.

E. O. Arbatskaya [a]
ORCID: 0000-0002-7599-6688
✉ *e.arbatskaya@utmn.ru*
A. V. Grigorovskaya [ab]
ORCID: 0000-0002-9282-313X
✉ *a.v.grigorovskaya@utmn.ru*
[a] *Tyumen State University (Russia, Tyumen)*
[b] *Kazan Federal University (Russia, Kazan)*

Ethics of self-fulfillment vs. ethics of caring: Can Ayn Rand be a feminist icon?

A review of: Downing, L. (2019). *Selfish women*. Routledge. 156 p.

To cite this review: Arbatskaya, E. O., & Grigorovskaya, A. V. (2021). Ethics of self-fulfillment vs. ethics of caring: Can Ayn Rand be a feminist icon? *Shagi / Steps, 7*(2), 325–333. (In Russian). https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-325-333.

Received January 11, 2021
Accepted January 14, 2021

© Е. О. АРБАТСКАЯ = E. O. ARBATSKAYA
© А. В. ГРИГОРОВСКАЯ = A. V. GRIGOROVSKAYA

В названии книги профессора Бирмингемского университета Лизы Даунинг — «Эгоистичные женщины» — прячется вызов, заметный только вооруженному современной феминистской оптикой глазу. Для тех, чье знакомство с феминизмом остановилось на его второй волне, мысль о том, что женщины могут быть selfish, не кажется крамольной и противоречащей феминистским установкам. Впрочем, и опытному читателю современной феминистской литературы при беглом пролистывании книга тоже может показаться безобидным продолжением привычных дискуссий внутри feminist studies. В первых главах такой читатель встретит достаточно привычный критический анализ, вскрывающий мизогинность публичного и экспертного дискурсов, его бдительность успокоят знаковые для феминистской критики имена: Гиллиган, Джил, Вонг... Но уже соседство с ними имен Айн Рэнд и Маргарет Тэтчер как бы предупреждает нас о готовящейся провокации. Автор посвящает Рэнд и Тэтчер две главы из пяти, цитирует их в эпиграфах рядом с признанными феминистками, говорит о существующей до сих пор недооцененности и даже обесценивании этих женщин, важных для Даунинг именно тем, что они — безусловно, женщины выдающиеся. Выдающиеся и эгоистичные.

Даунинг не первая, кто отстаивает право женщин быть выдающимися и эгоистичными. Однако она убедительно показывает, что право это так и не стало очевидным для большинства людей. Напротив, давление на женщин, выбравших путь самореализации, лишь усиливается, а ожидание альтруизма и самоотверженности от них лишь прочнее закрепляется в академическом и публичном дискурсе.

Предпосылкой для написания книги послужила полемика со статьей Майкла Коупмена «The rise of the selfish woman» [Copeman 2017], в которой он критикует женщин за выбор профессий, не являющихся традиционно «женскими», в частности, за то, что они, вместо того чтобы работать медсестрами, учатся на врачей. Коупмен при этом признает, что женский эгоизм — это тот вид эгоизма, который мужчинам был присущ всегда, однако резюмирует, что экономика США серьезно пострадала от того, что мужская капиталистическая бизнес-модель больше не уравновешивается женской моделью заботы.

Статья Коупмена — яркий, но не единственный пример публичного дискурса, навязывающего женщинам альтруизм, самопожертвование, роль средства для достижения «всеобщего блага». Анализом медиадискурса Даунинг не ограничивается и дополняет его скрупулезным разбором литературных и медицинских текстов, посвященных «женским» патологиям. К дискурсу «психопатологии эгоизма» Даунинг относит и критику эгоистичных и нарциссичных героинь в литературе, и работы по психоанализу. Применяя к ним общую оптику, в том числе методы литературно-социальной критики, Лиза Даунинг рассматривает медицинские исследования как своего рода fiction. Прослеживая, как со времен Фрейда до современных публикаций, посвященных девушкам, делающим «селфи», гендерная интерпретация отклонений закреплялась в психиатрии в многочисленных описаниях «специфического феминного типа невроза» (p. 34), Даунинг вскрывает мизогинную природу и современных, и классических психоаналитических текстов о «женских» нарциссизме, эгоизме, психопатии, истерии и, конечно же, о «монструозных матерях». Критика эгоистичных или нарциссичных матерей часто соседствует с предписанием материнства как пути к психологической зрелости.

Деконструируя тексты, в которых материнство и забота о других предъявляются как основа ценности женщины, а забота о себе или стремление к самореализации подаются как болезненные отклонения, Даунинг приходит к выводу, что подобный дискурс — ключевое звено в системе давления на женщину. Эта система обесценивает любые женские достижения, кроме материнства: «Что бы еще женщина ни делала, вопрос о том, насколько полно она соответствует роли матери, остается, как и дискурс, формирующий ожидания от нее» (p. 112). Даунинг показывает это на примере публичных высказываний о том, что наличие детей делает политика более ответственным, или публикаций СМИ, создающих представление об ущербности женщин-политиков. В частности, Даунинг приводит статью 2015 г., героинями которой стали самые успешные женщины, включая Ангелу Меркель. На иллюстрации к фичеру левого издания «New Statesman», озаглавленному «Ловушка материнства. Почему у самых успешных женщин нет детей» [Lewis 2015], они изображены стоящими вокруг детской кроватки, в которой место ребенка занимает ящик для голосования. Тезисы Даунинг логично встраиваются в актуальную феминистскую критику, однако она идет дальше, показывая, как уже внутри самого феминизма создаются новые тексты и дискурсы, вместе порождающие новую систему давления. В частности, Даунинг подвергает критическому осмыслению подход Кэрол Гиллиган [Gilligan 1993]. Гиллиган предлагает распространить приписываемую лишь женщинам моральную обязанность заботы о других на оба пола, поскольку такая этика — всего лишь образ мысли, не обусловленный биологически. «Вместо того чтобы подробно исследовать, какие именно социальные условия приводят девочек к самоотверженности ‹…› Гиллиган стремится скорее продвигать ее [модель заботы] в качестве этической модели как для мужчин, так и для женщин» (p. 104). При этом Даунинг демонстрирует эволюцию взглядов Гиллиган, которая в предисловии к книге 1993 г. все-таки признает, что этический стиль, избираемый женщинами, может действовать против них.

Против коллективистской установки современного феминизма Даунинг возражает открыто и однозначно: «Предположение (сознательное или бессознательное) некоторых представителей феминизма, что ассоциация между женщиной и коллективом проявляется как трансцендентная истина или проблематичное и желаемое искусственное состояние, является одним из тех ‹…›, против которых я выступаю в этой книге наиболее решительно» (119). В частности, Даунинг показывает, как интерсекциональность, хоть и способствует развитию определенной версии индивидуальности (p. 139), в то же время накладывает на женщину новые ограничения. Феминистка, вовлеченная в данный дискурс, призвана «прикладывать усилия, чтобы избегать центрирования феминизма вокруг себя» (p. 119), должна стремиться ставить в центр другого — того, кто по тому или иному признаку менее привилегирован. При этом феминизм второй волны и его инструменты, «разработанные группой, чтобы вызвать появление личности» (p. 144), все чаще критикуются за эгоизм и отвергаются.

Критикуя феминистские дискурсы, конструирующие идеал, «который происходит из патриархальных интересов, а не от феминистской или подлинно индивидуалистической энергии» (p. 147), в качестве альтернативы Даунинг

выдвигает этику самореализации. При этом она признаёт, что во многих сферах, в том числе академической, женщины вынуждены конкурировать с мужчинами, находясь в заведомо более слабой позиции, но тем не менее отвергает подход, предлагающий женщине быть «достаточно хорошим интеллектуалом» (по аналогии с «достаточно хорошей матерью»), заведомо ограничивая изнутри свои амбиции в качестве ответа на внешние ограничения.

Обсуждение дихотомии индивидуализма и коллективизма Даунинг предваряет эпиграфами авторства Андреа Дворкин и Айн Рэнд, в которых говорится о ценности индивидуализма. Цитируя Рэнд, не признававшую структурных ограничений, в том числе гендерных, и называвшую феминизм наименее убедительным в своих претензиях из всех правозащитных, политических и культурных движений (как, впрочем, и либертарианство, а также битничество), Даунинг в то же время подчеркивает, что данные мыслительницы соседствуют в эпиграфе не для того, чтобы доказать феминизм Рэнд, но для того, чтобы легитимизировать интерес феминизма к индивидуальности (p. 129).

Кроме американской писательницы и философа русского происхождения Айн Рэнд (Алисы Розенбаум), идеал «этики самореализации» Даунинг воплощает еще одна «эгоистичная женщина» — премьер-министр Великобритании в 1979–1990 гг. Маргарет Тэтчер. Можно сказать, что Тэтчер была бы идеальным потенциальным объектом критики Рэнд, которая отрицала, что женщина может стать президентом, хотя и утверждала в свойственной ей парадоксальной манере, что она способна им быть. В одном из своих выступлений на телевидении на вопрос, проголосовала бы она за женщину-президента, писательница категорично заявила, что нет (вызвав тем самым негодование присутствующих в зале феминисток), так как ни одна «хорошая женщина не захочет этого». Она также добавила, что не против того, чтобы женщина занимала лидирующую позицию, ведь есть много других руководящих должностей, однако она выступает именно против женщины как президента: «Главнокомандующий армией — женщина? Я полагаю, это неописуемо» [Rand 2009]. В этом выступлении Рэнд ссылается на свою статью в журнале «Objectivist», где объясняет философскую позицию по данному вопросу, имея в виду работу «Ответ читателям (О женщине-президенте)» («An answer to readers (About a woman president)»), опубликованную в декабре 1968 г. В ней она рассуждает о «сущности женственности», которая ею понимается как поклонение мужчине-герою и желание равняться на него, и тут же утверждает, демонстрируя двойственность гендерных стандартов, что женщина должна быть равна мужчине:

> «Глядеть снизу вверх» вовсе не означает зависимости, послушания или чего-то подразумевающего неполноценность. Это означает интенсивный вид восхищения, а восхищение есть эмоция, которую может испытывать только человек с сильным характером и независимыми ценностными суждениями [Binswanger 1988].

В своей лекции «Культурное обновление», прочитанной в Бостоне на Форуме Форд-холла в 1978 г., Рэнд провокативно заявляла:

> Я ярая антифеминистка, потому что это фальшивое движение. Начать с того, что оно имеет марксистско-ленинские корни. Они хо-

> тят и рыбку съесть, и косточкой не подавиться. Феминисты желают «независимости» для женщин — независимости за государственный счет, оплачиваемой налогоплательщиками. И у кого вырванной? У мужчин, на равенство с которыми притязают. Но мужчины утвердились в нашей стране без помощи правительства. Если женщины хотят равенства — и конечно, в перспективе так и будет, — то они должны добиться его сами, а не при помощи паразитической группы давления [Рэнд 2012: 128].

Таким образом, Рэнд демонстрировала весьма двойственное отношение к женщине, несмотря на претензии объективизма на преодоление любых дилемм.

Вместе с тем случай Тэтчер — иллюстрация того, что Рэнд величала «гротескной деформацией» женственности: Даунинг отмечает, что Тэтчер — это маска женщины, т. е. она такая, какой ее хочет лицезреть патриархально настроенное общество. Женщина-президент в этой логике есть отречение от себя как от «настоящей» женщины, и здесь Даунинг критикует «регрессивные» представления писательницы о женственности, которые вступали в противоречие с ее желанием быть личностью. В целом проблема «феминизированности» власти связана с тем, *что* мы понимаем под «феминностью». Здесь Даунинг спорит с работой М. Бирд «Женщина и власть: манифест», в которой та определяет «женское» через стереотипные конструкты альтруизма и жертвенности [Beard 2017]. В связи с этим стоит отметить, что, выступая в качестве разрушителя идеологий, феминизм стремится преодолеть бинарную оппозицию «мужское — женское» как классический пример «фаллогоцентризма» (термин Ж. Дерррида, под которым тот понимал сущностное свойство современного общества, определяемое как уверенность захвативших власть в способности обеспечить остальным абсолютную Истину). Так, Т. Иглтон отмечает: «Цель женского движения состоит не только в том (как иногда воспринимается извне), что женщины должны иметь с мужчинами равную власть и статус, — оно ставит вопрос о власти и социальном статусе как таковых. Речь не о том, что мир был бы лучше, если бы женщины активнее действовали в нем, а о том, что без “феминизации” человеческой истории он не выживет» [Иглтон 2010: 184]. При этом под «женским» Иглтон понимает «силу внутри общества, которая ему противостоит» [Там же: 226], отождествляя, таким образом, феминизм с практикой деконструкции, пришедшей на смену структуралистской стройной системе бинарных оппозиций.

Возвращаясь к кейсу Рэнд, верной поэтому представляется мысль Даунинг о том, что Дагни Таггерт («Атлант расправил плечи» / «Atlas Shrugged», 1957) и Доминик Франкон («Источник» / «The Fountainhead», 1943) — это «дублеры» (или, говоря терминами trauma studies, «альтер-эго») писательницы. Неудивительно, что разум неизменно отождествляется у Рэнд с мужским характером, а ее сильные героини рады, когда их идентифицируют с мужчинами, — это наблюдение автора книги, несомненно, говорит о внутреннем психологическом конфликте писательницы. Что-то подобное происходит и в случае с Маргарет Тэтчер, позиционирование как премьер-министра которой воспринимается исключительно через «мужское», в связи с чем ее «женское» лидерство обесценивается, становясь лишь подражанием «мужской» саморепрезентации.

О подсознательной идентификации писательницы своих героинь с мужчинами сообщает, например, тот факт, что прообразом Киры Аргуновой, сильной героини из первого романа Рэнд «Мы живые» («We The Living», 1936), в одиночку незаконно пересекающей границу между СССР и Латвией и убитой пограничником, был Кир Палтус — герой рассказа Мориса Шампаня «Таинственная долина» («La Valée Mystérieuse»). Поскольку Кир — военный, то в образе Киры писательница воплощает такие качества, как целеустремленность, настойчивость, дисциплинированность, которые искони считаются «мужскими». Как отмечает М. Мур, Кира даже внешне похожа на свой мужской прототип; особенно явным становится их сближение в упоминании «взгляда воина» [Moore 2018].

Другая героиня писательницы — Дагни Таггерт («Атлант расправил плечи»), вице-президент железнодорожной корпорации «Таггерт Трансконтинентал», по факту является руководителем компании, так как ее брат Джеймс, реальный президент, не может принять ни одного решения, подразумевающего ответственность: это делает за него его сестра. Оказываясь, по сути, в положении «а-ля Тэтчер», Дагни воистину испытывает почти шизоидное раздвоение: с одной стороны, она вынуждена из-за социальных предрассудков играть роль «второго плана» на фоне своего менее способного брата, а с другой — работать на износ, презрев все удобства (героиня часто ночует прямо в одежде на диване в собственном офисе). Тем контрастнее сцена, где Дагни предстает в подчеркнуто женственном наряде на свидании с Хэнком Риарденом:

> Она облачилась в тонкое бледно-голубое платье, придавшее ей вид беззащитной простоты, создававшее образ статуи, притаившейся в голубых тенях сада в солнечный день. Он принес и набросил ей на плечи накидку из голубого песца, окутавшую ее от подбородка до кончиков босоножек ‹…› Огромное полотнище меха сделало ее похожей на ребенка, кутающегося от снежной бури [Рэнд 2009: 383].

Подчеркнутая инфантилизация героини вступает в противоречие с ее карьерными устремлениями, а свойственное поэтике романов Рэнд сопоставление героини со статуей также указывает на некоторую искусственность такого образа.

В феминистском ключе трактует Даунинг и зацикленность писательницы на мужском гендере: ее идеальный герой — исключительно мужчина с нарциссическими чертами характера. Романтизация Рэнд психопатического типа личности, как говорит Даунинг, связана с ее внутренним страхом «обычности», посредственности (а сюда философ относила и классические, эмпатические семейные отношения). Восхищение такими персонажами, как убийца У. Хикман (что часто радостно эксплуатируется ненавистниками Рэнд), с точки зрения Даунинг, было связано с ранним увлечением Рэнд работами Ф. Ницше. В ранних редакциях романа Говард Рорк представлял собой более «ницшеанский» тип героя, чем в окончательной версии. Совершенно очевидно, что «ранний» Рорк начисто лишен эмоций: его обращение с возлюбленной Вестой Данинг (героиней, не включенной в конечном счете в окончательный вариант романа) представляет собой патологические отношения созависимости, в которых Веста добивается его любви, но он остается совершенно холодным

и неприступным, как скала. Вероятно, впоследствии Рэнд решила смягчить «роботоподобность» своего персонажа, граничащую с психопатологией.

При всем этом вызывает сомнение указание автора книги на то, что женская гендерная идентификация оказала серьезное влияние на признание писательницы и философа в академических кругах: Даунинг сравнивает этику «разумного эгоизма» Рэнд с проектом «заботы о себе» М. Фуко. Как следует из биографии Рэнд авторства Дж. Бёрнс, она сама всячески пресекала разного рода академические начинания с участием своего имени, подчеркивая уникальность философии объективизма и отсутствие влияния на нее каких-либо философов (кроме Аристотеля) [Burns 2009], особенно дистанцируясь от постструктуралистского дискурса с его отрицанием системы бинарных оппозиций, а значит — и от феминизма.

На примере Рэнд и Тэтчер Даунинг заявляет: выдающаяся женщина останется выдающейся и тем самым — крайне важной фигурой для феминизма, даже если она сама представляется феминизму враждебной, а феминизм кажется враждебным ей. Утверждая это, Даунинг переосмысливает сам феномен выдающейся женщины, очищая его от многочисленных критериев и условий. В эпоху «культуры отмены» данный подход выглядит особенно смелым и антитрендовым.

Камнем преткновения здесь представляется феномен эгоизма, права на который женщина была лишена исторически репрессивными механизмами. Даунинг обращает внимание на тот факт, что феминизм не борется с этими механизмами, а взамен них создает новые, выдвигает дополнительные требования к женщине. Даже если данные требования предъявляются к обоим полам одновременно, как в этике заботы, именно женщина, более чувствительная к феминистским идеям, в большей степени оказывается под давлением требования «не быть эгоисткой».

В сущности, все, кому оппонирует Даунинг, признают тот факт, что исторически баланс права на эгоизм был сильно смещен в пользу мужчин. Соль дискуссии в том, к а к именно относиться к этому смещению. Если Коупмену модель, в соответствии с которой женская этика заботы уравновешивает мужской эгоизм, представляется идеальной, Гиллиган и ее единомышленники предлагают мужчинам отказаться от эгоизма. Даунинг же призывает просто признать, что женщины — тоже люди и поэтому тоже могут быть эгоистками. При этом Даунинг представляет эгоизм свойством, который является если не неотъемлемым, то как минимум органичным для фигуры выдающейся женщины. Традиционно представление об этой органичности относилось лишь к гению, под которым априори понимался мужчина. И если эгоистический мужчина в литературе окружен романтическим ореолом и признается «героем нашего времени», подобная ему женщина для читателей и литературных критиков — нарциссичная психопатка. Вскрывая, как данный комплекс закреплен в дискурсе, Даунинг обнажает «слепые пятна», которые остаются неохваченными обратным дискурсом и дискурсивным активизмом.

Женское право на гениальность и эгоизм не отстаивается так, как отстаиваются равные права в профессиональной, политической и частной жизни. Возможно, одна из причин этого — противоречие данных категорий и левой, коллективистской идеологии, которая доминирует сейчас в feminist studies.

Однако роль этого доминирования, как и дискуссии о праве полов на эгоизм, выходит далеко за рамки только одного академического поля. Современный феминизм, а также feminist studies играют роль мощного междисциплинарного направления, включающего в себя изучение любых неравенств. Жесткие возражения Даунинг против апологетики посредственности, в которую нередко соскальзывает борьба против неравенства, расширяют контекст данного исследования, выводя его за пределы современных споров о «женском вопросе».

Источники

Рэнд 2009 — *Рэнд А.* Атлант расправил плечи: В 3 ч. / Пер. с англ. Ч. 2. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.

Рэнд 2012 — *Рэнд А*. Ответы: Об этике, искусстве, политике и экономике / Под ред. Р. Мэйю; Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2012.

Binswanger 1988 — The Ayn Rand lexicon: Objectivism from A to Z / Ed. by H. Binswanger. [N. p.]: Penguin, 1988. [Цит. по электрон. версии]. URL: http://aynrandlexicon.com/lexicon/femininity.html.

Rand 2009 — Ayn Rand on Feminism // YouTube. 2009. 9 сент. URL: https://www.youtube.com/watch?v=wpzDdTrw5II&feature=emb_logo.

Copeman 2017 — *Copeman M*. The rise of the selfish woman // Quadrant Online. 2017. August 2. URL: https://quadrant.org.au/opinion/qed/2017/08/rise-selfish-woman.

Литература

Иглтон 2010 — *Иглтон Т*. Теория литературы: Введение / Пер. с англ. М.: Территория будущего, 2010.

Beard 2017 — *Beard A*. Women & power: A manifesto. London: FSC, 2017.

Burns 2009. — *Burns J*. The goddess of the market: Ayn Rand and the American right. New York: Oxford Univ. Press, 2009.

Gilligan 1993 — *Gilligan C*. In a different voice: Psychological theory and women's development. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1993.

Lewis 2015 — *Lewis H*. The motherhood trap: Why are so many senior female politicians childless? // The New Statesman. 2015. July 16. URL: https://www.newstatesman.com/politics/2015/07/motherhood-trap.

Moore 2018 — *Moore M*. Fighting words: Ayn Rand and the military // Atlas Society. Nov. 12. URL: https://www.atlassociety.org/post/fighting-words-ayn-rand-and-the-military.

References

Beard, M. (2017). *Women & power: A manifesto*. FSC.

Burns, J. (2009). *Goddess of the market: Ayn Rand and the American right*. Oxford Univ. Press.

Gilligan, C. (1993). *In a different voice: Psychological theory and women's development*. Harvard Univ. Press.

Eagleton, T. (2015). *Literary theory: An introduction*. Blackwell Publishing.

Lewis, H. (2015, July 16). The motherhood trap: Why are so many senior female politicians childless? *The New Statesman*. https://www.newstatesman.com/politics/2015/07/motherhood-trap.

Moore, M. (2018, November 12). Fighting words: Ayn Rand and the military. *Atlas Society.* https://www.atlassociety.org/post/fighting-words-ayn-rand-and-the-military.

* * *

Информация об авторах

Елена Оттовна Арбатская
кандидат философских наук
доцент, кафедра журналистики,
Институт социально-гуманитарных наук,
Тюменский государственный
университет
Россия, 625003, Тюмень,
ул. Володарского, д. 6
Тел.: +7 (3452) 59-74-20
✉ *e.arbatskaya@utmn.ru*

Анастасия Васильевна Григоровская
кандидат филологических наук
доцент, кафедра русской и зарубежной литературы, Социально-гуманитарный институт, Тюменский государственный университет
Россия, 625003, г. Тюмень,
ул. Володарского, д. 6
Тел.: +7 (3452) 59-74-20
докторант, кафедра русской и зарубежной литературы, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет
Россия, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д. 18
Тел.: +7 (843) 233-74-00
✉ *a.v.grigorovskaya@utmn.ru*

Information about the authors

Elena O. Arbatskaya
Cand. Sci. (Philosophy)
Assistant Professor, Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University
Russia, 625003, Tyumen, Volodarskogo Str., 6
Tel.: +7 (3452) 59-74-20
✉ *e.arbatskaya@utmn.ru*

Anastasiya V. Grigorovskaya
Cand. Sci. (Philology)
Assistant Professor, Russian and Foreign Literature Department, Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University
Russia, 625003, Tyumen, Volodarskogo Str., 6
Tel.: +7 (3452) 59-74-20
Doctoral Student, Russian and Foreign Literature Department, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University
Russia, 420008, Kazan, Kremlevskaya Str., 18
Tel: +7 (843) 233-74-00
✉ *a.v.grigorovskaya@utmn.ru*